

красот» его стихотворных од сумел выделить как особенно поэтичный выдающийся по своей художественности приступ к оде 1747 года, посвященной Елизавете Петровне: это «пре-лестная картина народного спокойствия и тишины, сей сильной огады градов и сел, царств и царей утешения...». Любопытно, что в пересказе Радищева эти стихи знаменитой оды приняли более славянизированный вид, чем в оригинале (ср.: «Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина, / Блаженство сел, градов ограда / Коль ты полезна и красна...»).

Таким же витийственным слогом старорусских риториков автор «Слова о Ломоносове» говорит о его жизни. «Подстрекаем науки алчною, Ломоносов оставляет родительской дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих Мусс и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию...».

Стереотипные, устойчивые словосочетания, встречающиеся в памятниках древнерусской литературы, повторены и в «Путешествии из Петербурга в Москву» большею частью в метафорическом значении, например: «*пепл и дым*» («Спасская полость», ср. в повести о разорении Батыем Рязани: «и дым, и земля, и пепел»), «*по валам жития человеческого*» («Крестьяны»). Писатель рисует образ «*лествицы, по которой разум человеческий нисходит*» («Подберезовье»), говорит о «*речах, ударяющих в ухо, подобно тимпанам*» («Спасская полость»).

Название *повесть* употребляется Радищевым (в главе «*Ажелбицы*») в старинном терминологическом смысле нраво-учительного *примера*, эпизода или же *притчи*, раскрывающей мораль.

Наставление «крестичкогo дворянина» сыновьям продолжает линию древнерусских «поучений от отца к сыну», если не по содержанию, отвечающему условиям новой эпохи, то по изложению, полному всевозможных славянизмов, вплоть до цитирования молитв.⁴

Знакома Радищеву и символика, восходящая к глубокой древности. В «Спасской полести» рисуется выкованная из светлой стали «огромной величины змия»: она, «*конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность*».

Использование словаря старорусской письменности и влияние ее фразеологии не могли, конечно, не затруднить стиля «Путешествия из Петербурга в Москву». Автору кое-где не

⁴ Ср. также перефразировку молитвы в рассказе о систербекском приключении (в главе «*Чудово*»).